

В заключение можно сделать несколько как частных, так и более существенных замечаний и уточнений. Например, не совсем корректно говорить о «политическом влиянии шамана» (р. 32) в традиционном туземном обществе, поскольку ни чукчи, ни алтайцы, ни танаина не достигли порога государственности. Неточно излагаются некоторые эпизоды взаимоотношений русских с танаина (р. 96–97). Известного ленинградского историка, профессора Окуня звали Семен Бенцианович, а не Борис (р. 98). К более общим недостаткам монографии следует отнести довольно многочисленные повторы уже изложенного материала и сделанных ранее выводов, в то время как в ряде мест явно не хватает сравнительных данных. Так, например, бросаются в глаза прямые параллели между политикой царских властей в отношении чукчей (см. р. 139–158) и политикой Российско-Американской компании в отношении индейцев тлинкитов на Аляске во времена Русской Америки. Кроме того, раздел о бурханстве у южных алтайцев (р. 228–239), уже достаточно хорошо изученном отечественными исследователями, в частности Л.И. Шерстовой, можно было бы несколько сократить, сделав основной упор на отношении к нему православных миссионеров, что более отвечало бы общей теме монографии.

Тем не менее все эти замечания не могут существенно повлиять на общую высокую оценку проделанной А.А. Знаменским работы. К сожалению, в рецензии нет возможности отразить все многообразие интересных фактов, приводимых автором монографии, который в их поисках основательно проработал обширный круг дореволюционной литературы и материалов Архива Православной церкви на Аляске. Помимо прочего А.А. Знаменский несколько сезонов вел полевые исследования среди индейцев танаина в районе залива Кука. Большой интерес вызывают уникальные старинные фотографии, иллюстрирующие соответствующие главы книги. Все это, несомненно, привлечет внимание этнографов к работе американского исследователя.

А.В. Гринёв

© 2001 г., ЭО, № 5

А.В. Постников. Русская Америка в географических описаниях и на картах (1741–1867 гг.). СПб., 2000. 472 с., карты.

Интенсивное развитие российско-американских связей, характерное для нынешнего времени, определяет возрастание интереса к их многовековой истории, хотя и без того об освоении Америки с Востока написано немало исследований, популярных книг, издано много документов, мемуаров, писем, в которых показано, что россияне давно и плодотворно изучали Американский континент, его замечательную природу, собирали этнографические и лингвистические сведения, знакомили своих современников с политическим строем, географией, историей и культурой как доколумбовой, так и современной им Америки¹.

Сказанное, разумеется, не означает, что в изучении Русской Америки нет никаких пробелов, что все источники выявлены, введены в научный оборот, досконально исследованы. Убедительное тому свидетельство – недавно вышедшая в свет монография видного отечественного географа и картографа А.В. Постникова, посвященная истории изучения российскими исследователями и путешественниками Русской Америки, Камчатки, Чукотки и островов северной части Тихого океана.

А.В. Постников использовал многочисленные рукописные материалы, изученные им в архивах и библиотеках России, Великобритании, Франции, Швеции, Финляндии и США. Значительная часть этих источников впервые вводится автором в научный оборот, в том числе уникальные подлинные карты Джорджа Ванкувера, составленные им во время третьей экспедиции Кука (1778–1779 гг.). Автор монографии проанализировал и привел в копии основной картографический массив этого периода, что позволило ему выявить роль российских исследователей и путешественников в формировании западноевропейских представлений о географии Северитихоокеанского региона, историю контактов российских и иностранных (особенно британских) исследователей. Значительное внимание А.В. Постников уделил изучению географических представлений коренных народов островов и Аляски, а также использованию их традиционных знаний о природе русскими путешественниками и географами.

Как известно, россияне, осваивая Сибирь, к середине XVII в. вышли к берегам Великого (Тихого) океана.

Границы России приблизились к азиатским странам и соприкоснулись с ними, и туда направилось немало купцов и лиц, обслуживавших их беспокойный промысел. Освоение Камчатки и побережья Охотского моря создало базу, с которой можно было пускаться в новые путешествия. И русские первопроходцы приняли участие в открытии Нового света с Востока. В сторону Камчатки, а позже островов и Аляски одна за другой следовали экспедиции; возникло множество промысловых компаний, которые к концу XVIII в. усилиями одного из предпринимателей Г.И. Шелихова слились в одну – Российско-Американскую. Территория Аляски, части Северной Калифорнии и прилегающих островов получила название Русской Америки. Процесс ее образования был длительным, его начало не совсем точно датируется 1741 г. – временем завершения Второй великой северной экспедиции, возглавлявшейся Витусом Берингом.

Свою книгу А.В. Постников начинает с обзора источников и литературы, показывая, что историография изучения, картографирования и освоения северной части Тихого океана развивалась практически параллельно самим географическим исследованиям, причем на начальных их этапах описание и анализ достигнутых результатов нередко имели одной из главных целей демонстрацию приоритета отдельных стран и народов в познании этой части земного шара.

Монография А.В. Постникова включает четыре весьма различных по объему главы. Наиболее краткие из них – первая (с. 14–30), посвященная анализу процесса продвижения русских к Тихому океану, ранних карт Сибири и сведений о «Большой земле» за морем (XVII – начало XVIII в.) и вторая – «Решение географического вопроса: сошлась ли Америка с Азией? (1701–1740-е годы)» (с. 31–73). В них автор констатирует, что русская колонизация Сибири, а затем и северной части Тихого океана до 1760-х годов протекала в течение относительно длительного времени (около 150 лет), причем она осуществлялась преимущественно простыми мореходами, казаками и промышленниками, легко «включавшимися» в окружающую природную и этническую среду. Они постепенно усваивали географические знания, накопленные местными племенами о регионах их обитания, перенимали их навыки ориентирования и туземные транспортные средства, из которых наиболее полезными в дальнейших походах оказались байдарки, байдары и нарты.

Отражение активного использования русскими аборигенной информации о местности – географические чертежи Сибири 1660–1690-х годов, составлявшиеся по данным землепроходцев и мореходов и свидетельствующие о том, что основные каркасные элементы сибирских чертежей (объекты географии) имеют местные названия, выявление и сохранение которых было характерной чертой русской колонизации Сибири и северной части Тихого океана. Глобальный уровень обобщения географических данных предполагает, однако, непрямое их включение в научные представления о земном шаре в целом. До начала XVIII в. в России не было возможности практически осуществить такую процедуру, поскольку отечественная картография развивалась в изоляции от уже господствовавшей в Европе Птолемеевой парадигмы и русские географические чертежи, как отмечает А.В. Постников, «составлявшиеся без использования системы координат широты и долготы и не имевшие постоянного масштаба и картографической проекции, не могли быть, строго говоря, включены в мировые карты», изготовлявшиеся в европейской картографической традиции (с. 394).

Здесь, как и во всех остальных областях русской науки, техники, экономики, политики и образа жизни в целом, Петр I решительно направил Россию в русло западноевропейской цивилизации. В его реформах география и картография играли весьма заметную роль, позволяя не только «провозгласить» на карте мира появление громадной евразийской империи, но и включиться в амбициозные географические проекты, наиболее очевидным из которых для России был вопрос о существовании Анианского пролива, а также изучение и картографирование в связи с этим районов крайнего Северо-Востока Азии и северо-западной оконечности Северной Америки. Накопленный русскими опыт рекогносцировочных исследований новых территорий и составления схематических карт-чертежей, включающий и традиционные знания местных племен, по справедливому выводу А.В. Постникова, обогатил строгие научные методы географических описаний и съемок (с. 394).

Хотя русские мореходы и землепроходцы знали, что северо-восточная оконечность Азии омывается водами океана, и отображали эти представления на сибирских чертежах, которые в свою очередь были известны Петру I, он хотел получить подлинно научное подтверждение этих знаний компетентной морской исследовательской экспедицией, результаты которой были бы изложены точным картографическим языком и приняты европейским научным сообществом. Для выполнения этой задачи, а также для достижения берегов Америки со стороны Азии были организованы Первая (1725–1730) и Вторая (1732–1742) Камчатские экспедиции под руководством Витуса Беринга и Алексея Чирикова. В ходе этих экспедиций, а также плавания М.С. Гвоздева и И. Федорова (1732) русские мореходы закрепили за собой приоритет под-

тверждения существования пролива между Азией и Америкой, а также достигли берегов Северной Америки у северного и южного побережий Аляски.

В главе третьей – «Путь к созданию карты, адекватно отражающей общий характер распределения акваторий и суши в северной части Тихого океана (1750-е годы – конец XVIII века)» (с. 74–200) А.В. Постников показывает, каким образом к концу XVIII в. совместными усилиями российских, британских и в меньшей мере испанских мореплавателей в целом была выяснена география северной части Тихого океана и созданы карты, в своей совокупности адекватно отражавшие пространственное распределение суши и моря в этой части земного шара.

Он подчеркивает, что к этому времени в съемках и картографировании российских владений в Америке наметилось активное сближение как в методических подходах, так и в точности между профессиональными гидрографами правительственных военно-морских экспедиций и штурманами судов, занимавшихся промыслом морского зверя. «Забегаю несколько вперед, – отмечает А.В. Постников, можно утверждать, что это сближение заложило основу дальнейшего развития картографирования Аляски в XIX веке под непосредственным руководством офицеров российского военно-морского флота, которые в этот период стали играть ведущую роль в руководстве Российско-Американской компании» (с. 197).

Наибольшая по объему (с. 201–385) четвертая глава – «Географическое изучение и картографирование владений Российско-Американской компании (конец XVIII века – 1867 год)» подразделена автором на пять параграфов, в которых он систематизирует сведения о географических исследованиях миссионеров Русской православной церкви, географическом изучении и картографировании Русской Америки в конце XVIII – начале 40-х годов XIX в. и экспедицией Л.А. Загоскина (1842–1844), создание М.Д. Тебеньковым «Атласа Северозападных берегов Америки...» 1852 г., съемки и карты 40–60-х годов XIX в. В заключительном параграфе А.В. Постников повествует о продаже Аляски и международной экспедиции для осуществления телеграфного соединения Северной Америки с Европой через Сибирь.

Как отмечает автор, Российско-Американская компания с самого основания имела характер полуправительственной организации, призванной в определенной мере закрепить и расширить колониальные владения России в Западном полушарии. В утверждении такого характера компании значительная роль отводилась Русской православной церкви, деятельность миссионеров которой на Алеутских островах и Аляске оставила до настоящего времени наиболее стойкие следы в культуре и языке их народов. Значение русских монахов и священников в изучении языков, обычаев, верований и материальной культуры туземцев довольно хорошо исследовано в трудах этнографов. Однако недостаточное внимание до настоящего времени уделялось географическим наблюдениям священнослужителей, их роли в изучении природной и социальной географии российских колоний в Америке. А.В. Постников в значительной мере восполняет этот пробел.

Начиная с 20-х годов XIX в. руководство Российско-Американской компании и Адмиралтейства налаживают систему непрерывного сбора географических сведений о заморских владениях империи и их картографирования во время регулярных рейсов компанийских судов, а также походов внутрь материка для «расторжек» с туземцами. Картографическим итогом всех этих походов и исследований, а также иностранных экспедиционных работ стал «Атлас Северозападного побережья Америки...», составленный М.Д. Тебеньковым в Ново-Архангельске и изданный вместе с томом подробных гидрографических описаний в С.-Петербурге в 1852 г. Он надолго стал основным навигационным пособием для мореплавателей в водах Аляски и, как убедительно свидетельствует А.В. Постников, главным источником для составления американских карт в первые десятилетия после продажи русских заморских владений Соединенным Штатам.

Завершается монография разделом «Вместо заключения», названным автором «Российское наследие на Аляске и влияние географических исследований в Русской Америке на развитие отечественной и мировой науки», в котором он подытоживает результаты своего исследования. Ученый подчеркивает, что история географического изучения и картографирования Русской Америки, как и других частей земного шара, – пример осуществления усилий многих народов и стран в познании своей среды обитания. Бесспорно, однако, что роль России в этом процессе была ведущей.

Книга А.В. Постникова снабжена примечаниями, весьма обширной, обстоятельной библиографией, указателями имен и географических названий, списками иллюстраций и сокращений, что, безусловно, значительно облегчает ее восприятие читателем.

Итак, несмотря на то что исследовательская литература по географии Русской Америки очень обширна, А.В. Постникову удалось сказать в ней свое слово – подлинно новое, весьма веское, глубоко аргу-

ментированные оригинальными рукописными отечественными и зарубежными материалами, картами, оставшимися неизвестными в научном мире. Думается, с его монографией с большой пользой для себя будут знакомиться не только специалисты-географы, картографы, но и историки, этнографы, все любознательные читатели, интересующиеся судьбами Русской Америки.

Примечание

¹ Чистяков Е.В. Русские страницы Америки. М., 1993. С. 7.

Н.Ф. Мокшин

© 2001 г., ЭО, № 5

Д.Дж. Андерсон. Тундровики. Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998. X, 248 с.

В последние годы в Сибири все чаще можно встретить зарубежных исследователей – культурных/социальных антропологов из Великобритании, США, Канады, Японии и других стран. Это люди со сформировавшимся интеллектуальным «багажом», традициями своей культуры, использующие для изучения «наших» северных народов другие методологию и методики работы. Статьи и книги, написанные этими авторами по сибирским материалам, как правило, издаются на английском языке¹. Канадец Д.Дж. Андерсон, работающий сейчас в Великобритании, стал **первым иностранным ученым, опубликовавшим свою диссертацию на русском языке**, что чрезвычайно приятно отметить в данной рецензии. Он сделал максимально доступными результаты своих исследований, в чем мы видим его открытость и уважение к своим информаторам, к коллегам, пишущим по-русски, наконец, к России – стране, в которой он проводил свои полевые исследования. Переработанный вариант диссертации на английском языке был издан позднее². Выход в свет книги Д.Дж. Андерсона стал заметным событием в научной жизни: работа привлекла к себе внимание специалистов и вызвала их неоднозначные оценки³. Она открывает путь к назревшему диалогу российских и зарубежных ученых-антропологов и этнографов относительно методологии, методики и этики научных исследований на территории Сибири, и с этой точки зрения ее появление трудно переоценить.

Издание книги в Новосибирске «приблизило» ее к Сибири. Внешне она ничем не отличается от недорогих постсоветских изданий – публикаций российских этнографов: скромное полиграфическое исполнение (листы при многократном перечитывании рассыпаются), относительно небольшой тираж (700 экз.). Однако методология работы и сами подходы новы и непривычны для российского читателя, поскольку автор – представитель британской школы социальной антропологии.

Цель работы – ответ на вопрос: «Кто такие таймырские эвенки?» – на примере исследования населения пос. Хантайское озеро. Хантайские эвенки не представляют собой особого народа, как это можно иногда понять из перевода; это самая северо-западная группа эвенков, своеобразие которой – результат историко-культурных связей с соседними народами – якутами, энцами, русскими, долганами. Культурные особенности народов Таймыра не интересуют автора вне связи с анализом гражданского самосознания и политических процессов. Используя многозначный термин «принадлежность» (belonging), Д.Дж. Андерсон следует за рядом зарубежных антропологов, стремившихся к преодолению разрыва между описательной и структуралистской традициями в анализе общественных процессов (с. 50). Он исследует «принадлежности» к национальности, территории и коллективу как основным составляющим в формировании самосознания местных эвенков.

Д.Дж. Андерсон заинтересовался ситуацией с самосознанием хантайских эвенков, живущих в административных границах Долгано-Ненецкого автономного округа, поскольку она, по его мнению, уникальна для Сибири (с. 8). Присмотревшись внимательнее к этнографической карте Сибири, можно заметить, что подобная ситуация стала довольно обычной после проведения советского национально-административного устройства: кеты Подкаменной Тунгуски, не имея своего национального образования, живут на территории Эвенкийского автономного округа; ительмены и эвены живут на территории Корякского автономного округа; юагиры, чукчи – в Республике Саха (Якутия); эвенки – в Бурятии и т.д. Вряд ли стоит упрекать